

РЕДАКЦИЯ КОНЦА СВЕТА

КНИГА, КОТОРУЮ ТЫ ПИШЕШЬ САМ

HAVOK

Марат Хаджиев

Редакция конца света

<https://litres.ru/74500894>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эйлин может исправить любую ошибку в реальности. Нужно лишь коснуться страницы пером. Но у каждой правки есть цена: чужое имя, исчезнувший человек, утраченный голос матери.

Редакция уверяет, что всё идёт по плану. Эйлин знает другое: он всего лишь одиннадцатая вариация, а предыдущие уже стёрты. Чтобы не стать следующей пустой строкой, он входит в Архив — место, где хранятся удалённые люди, отвергнутые версии и чужие финалы.

Здесь нельзя изменить прошлое, не изменив себя. Нельзя спасти всех, не заняв чьё-то место. А в конце решение окажется в руках читателя.

Мрачный интерактивный роман о памяти, свободе и праве распоряжаться чужой историей. Пять финалов. Ни одного безопасного выбора.

Содержание

Глава 1. Мир не просил объяснений	4
Глава 2. Одиннадцатая вариация	17
Глава 3. Архивариус, которого не существовало	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Марат Хаджиев

Редакция конца света

Глава 1. Мир не просил объяснений

Солнце не встало. Его включили.

Щёлк.

Город сразу загорелся. Свет прошёл по крышам, добрался до окон и остановился на стене дома напротив. На несколько секунд улицы стали такими яркими, будто кто-то выкрутил настройки до предела.

Потом всё пришло в норму.

Эйлин сделал глоток кофе.

Горько. Хорошо. Хотя бы это ещё работало как положено.

В стаканчике был Poetti — любимый сорт, за которым он ходил даже под дождём и даже тогда, когда денег хватало либо на кофе, либо на ужин.

Он сидел на парапете крыши над старым техническим этажом. Под ногами темнел двор, внизу гудела вентиляция, ветер таскал по бетону обёртки и чужие чеки.

Рядом лежали несколько исписанных блокнотов. Один, раскрытый на чистой странице, он придерживал коленом.

На крышке бумажного стаканчика чёрным маркером было написано:

НЕ ДЛЯ ВАРИАЦИИ.

Эйлин провёл большим пальцем по буквам. Последнее слово было вдавлено в пластик сильнее остальных.

Он помнил, как попросил написать именно это.

А вот лицо человека за стойкой никак не вспоминалось.

Эйлин потёр переносицу.

— Ладно. Потом.

Он отложил стаканчик, взял перо и вывел в блокноте одно

СЛОВО.

Посмотрел на него.

Зачеркнул.

Чернила остались на бумаге.

Уже неплохо.

Позади щёлкнула дверь.

Эйлин не обернулся.

— Если это божественная техподдержка, я оставлял заявку ещё в прошлый четверг.

Никто не ответил.

Он подождал.

— Ладно. Во вторник.

— Ты переписал слишком много.

Эйлин закрыл глаза.

— Ну наконец-то.

Он положил перо на блокнот и повернулся.

В дверном проёме стоял высокий мужчина с белыми волосами. Тёмный костюм сидел на нём без единой складки, хотя ветер уже успел растрепать волосы Эйлина и перевернуть несколько страниц блокнота.

В руке мужчина держал свёрнутый пергамент.

С нижнего края капал чёрный воск.

Капля упала на бетон.

Потом ещё одна.

— Опаздываешь, — сказал Эйлин. — Я уже начал без тебя.

— Ты переписал слишком много.

— Доброе утро тоже подойдёт.

Мужчина не улыбнулся.

Эйлин спрыгнул с парапета. От долгого сидения затекла левая нога. Пришлось несколько раз согнуть колено, прежде чем оно перестало неприятно покалывать.

— Опять? — спросил он, кивнув на пергамент.

— Ты снова внутри цикла.

— Заметил. Рассвет включили с задержкой. Сервис всё хуже.

Чёрная капля упала ему на ботинок.

Эйлин отступил.

— Эй. Осторожнее.

На коже осталось тёмное пятно. Он попытался стереть его большим пальцем, но воск только размазался по шнуровке.

— Теперь ещё и обувь испортил.

— Это не чернила.

— Спасибо. Сразу легче.

Эйлин достал из кармана салфетку, вытер пальцы и бросил её рядом с пустой бутылкой.

Беловолосый развернул пергамент.

— Ты должен был остановиться.

— На каком моменте?

— Когда понял цену.

Эйлин открыл рот.

Ответ уже был готов. Что-нибудь о плохих договорах, жадных авторах или канцелярии, которая умудрилась пережить конец света.

Но он вспомнил женщину с яблоками.

Она вышла из магазина, остановилась посреди улицы и не узнала собственную дочь.

Эйлин помнил её лицо.

Имя — нет.

— Ты ведь не за этим пришёл, — сказал он.

— Нет.

— Тогда не начинай.

Беловолосый посмотрел на него.

Эйлин отвернулся первым.

Внизу проехала машина. Из открытого окна доносилась музыка. Кто-то сигналил у перекрёстка, пока водитель впереди не трогался с места.

Обычное утро.

Эйлин вдруг захотел оказаться там, внизу. Стоять на переходе, ругаться на светофор, покупать кофе и думать только о том, успеет ли он домой до дождя.

Ничего особенного.

Просто прожить день, в котором ему не придётся ничего исправлять.

— Это не твоя история, — сказал беловолосый.

Эйлин усмехнулся.

— Все истории мои. Они просто ещё не в курсе.

— Ты говорил это раньше.

— Я много чего говорил раньше.

— В третий раз ты сказал «ещё». В четвёртый промолчал.

Улыбка исчезла.

Эйлин посмотрел на мужчину внимательнее.

— И что со мной случилось?

— Ты знаешь.

— Хочу услышать.

— Нет.

Он ненавидел это спокойствие.

Ненавидел, что беловолосый никогда не повышал голос. Даже когда исчезали улицы. Даже когда люди забывали собственных детей.

Особенно когда речь заходила о нём самом.

— Скажи, — потребовал Эйлин.

Мужчина свернул пергамент.

— Рано или поздно перепишут и тебя.

Ветер перевернул страницу блокнота.

Эйлин не сразу ответил.

Он помнил Девятого. Не лицо целиком, только глаза и привычку постукивать пальцами по столу.

Десятого помнил хуже.

Иногда ему казалось, что именно Десятый научил его пить крепкий кофе. Иногда он был уверен, что это его собственная привычка.

А иногда не мог вспомнить, существовал ли Десятый вообще.

— И кого поставят вместо меня? — спросил Эйлин.

Беловолосый молчал.

— Нет, правда. Интересно. Он хотя бы будет повыше?

— Это не имеет значения.

— Для него, может, и не имеет.

Эйлин посмотрел на свои руки.

Чернила остались под ногтями. На правом указательном пальце была старая царапина. Он не помнил, откуда она взялась, но всегда узнавал её как свою.

Пока ещё.

Он спрятал руку в карман.

— Я не собираюсь освобождать место.

— Ты не решаешь.

— Тогда зачем пришёл?

Мужчина посмотрел на блокнот.

Эйлин проследил за его взглядом.

Одна из страниц перевернулась сама.

Потом следующая.

Блокнот раскрылся на чистом развороте.

Перо лежало рядом.

— Нет, — сказал Эйлин.

Он произнёс это слишком быстро.

Беловолосый чуть наклонил голову.

— Ты ещё не знаешь, что требуется.

— Зато я знаю, чем это обычно заканчивается.

— Возьми перо.

— А если не возьму?

Ответа не было.

Эйлин посмотрел на дверь. Потом на край крыши.

Мысль о побеге пришла почти сразу.

Спуститься по лестнице. Уехать. Найти место, где его не знают и где никто не произносит слово «вариация».

Он даже представил, как покупает билет.

И тут же разозлился на себя.

Будто билет мог что-нибудь изменить.

— Ладно, — сказал он.

Подошёл к блокноту и взял перо.

Оно было тёплым.

Слишком тёплым для вещи, которая всё утро лежала на холодном бетоне.

Эйлин посмотрел на кончик. На металле собралась маленькая капля чернил.

— Вы хотя бы расходники оплачиваете?

Беловолосый не ответил.

На внутренней стороне обложки проступила строка.

Сначала одна буква.

Потом остальные.

ВЕРСИЯ 11 / СТАТУС: АКТИВНА.

Эйлин перестал улыбаться.

Он закрыл блокнот.

Подождал.

Открыл снова.

Строка осталась.

— Конечно, — сказал он тихо.

Попытался вытереть её пальцем. Чернила не размазались.

Он провёл большим пальцем по цифрам.

Одиннадцать.

Не имя.

Номер.

Эйлин захлопнул блокнот так резко, что перо покатилося к краю крыши.

Он успел прижать его ботинком.

— Чёрт.

Поднял перо, сжал в кулаке и посмотрел на беловолосого.

— Только попробуй сказать, что так и было задумано.

— Это зафиксировано.

— Я заметил.

Эйлин поднял стаканчик и допил оставшийся кофе.

Тот успел остыть.

Он поморщился, но не выбросил стаканчик. Несколько секунд смотрел на надпись на крышке, затем поставил его рядом с блокнотом.

— Ну что ж.

Он взял перо поудобнее.

— Типичный понедельник.

Версия одиннадцать

Глава 2. Одиннадцатая вариация

Эйлин ещё несколько секунд смотрел на закрытый блокнот.

Одиннадцать.

На крыше ветер вырвал из блокнота крайний лист. Эйлин прижал обложку локтем. Беловолосый не двинулся с места.

— И что теперь? — спросил Эйлин. — Торжественная выдача номера? Мне хотя бы бейдж положен?

— Идём.

— Я задал вопрос.

— Ты услышал ответ.

Беловолосый открыл дверь технического этажа. За ней не было лестницы. В узком коридоре горела единственная лампа, а на стене висело зеркало в тяжёлой раме.

Эйлин подошёл к нему. В отражении он был в клетчатой рубашке. На самом деле на нём оставалась тёмная, испачканная воском у манжеты. Отражение смотрело на него с таким выражением, будто собиралось что-то сказать и передумало.

Эйлин поднял руку. Тот, в зеркале, повторил движение с опозданием.

— Это кто?

— Одна из версий.

— Очень содержательно.

Он оглянулся на беловолосого. Когда снова посмотрел в зеркало, там был только коридор. Даже его собственного отражения не осталось.

Эйлин попытался вспомнить лицо Десятого. Не получилось. От этого захотелось ударить зеркало. Вместо этого он убрал руки в карманы.

— Куда ведёт дверь?

— В место, которое ты уже исправлял.

— Значит, мне там будут рады.

Беловолосый пошёл первым. Эйлин задержался у зеркала ещё на секунду, затем последовал за ним.

Метка договора

За следующей дверью оказалась небольшая комната. Деревянный стол, два стула, свеча. Пахло пылью и воском. Ставни были закрыты, хотя Эйлин слышал за ними уличный шум.

На столе лежал его блокнот.

Он машинально хлопнул себя по карманам. Блокнота там и не было: Эйлин держал его в руке, когда входил в коридор. Рука теперь была пуста.

— Можно было попросить, — сказал он.

Беловолосый положил на стол узкую полоску бумаги.

ПРАВКА ПРИНЯТА.

— Я ничего не писал.

— Ты взял перо после того, как увидел номер.

— Это не подпись.

— Для договора достаточно.

Эйлин взял бумажку. От неё на пальцах остался чёрный след. Он вытер руку о штанину, посмотрел на пятно и раздражённо провёл ладонью ещё раз.

— Покажи договор.

Беловолосый кивнул на перо. На металлическом наконечнике теперь виднелась угловатая метка. На крышке её не было. По крайней мере, Эйлин не заметил.

— Метка означает, что правка зафиксирована.

— А если я не согласен?

— Правка уже сделана.

— Вы потрясающе ведёте переговоры.

Эйлин придвинул к себе блокнот. На внутренней стороне обложки по-прежнему стояло: «ВЕРСИЯ 11 / СТАТУС: АКТИВНА». Он накрыл надпись ладонью и открыл последнюю страницу.

Она была пустой. Эйлин посмотрел на стол: свеча, чернильница, тонкий слой пыли. Когда снова опустил глаза, на бумаге проступила ровная строка: «На столе лежала пыль».

— Давай без загадок. Если я напишу здесь слово, что произойдёт?

— Изменится текст. За изменение будет взята цена.

— Какая?

— Равная правке.

— Ты сам слышишь, насколько это бесполезный ответ?

Беловолосый придвинул свечу, освобождая место перед блокнотом.

— Тогда покажи.

Эйлин взял перо, но не коснулся бумаги.

— А если это снова кто-то другой заплатит за моё любопытство?

Беловолосый промолчал. Он двумя пальцами выровнял полоску бумаги, взявшись за чистый край и не коснувшись чёрных букв.

Проверь

— Правило одно, — сказал беловолосый. — За каждую правку приходится платить.

— А если я напишу что-нибудь безобидное?

— Ты не выбираешь, чем расплатишься.

— Красиво. И где тут подвох?

— Подвох в том, что ты уже держишь перо.

Эйлин сел. Ножка стула качнулась, и он вынужден был подложить под неё сложенный уголок бумаги. Беловолосый наблюдал за ним так же внимательно, как за пером.

— Не смотри так. Это не правка. У вас просто мебель дрянная.

Буквы высохли. На вид это была самая обыкновенная фраза, которую хотелось уточнить.

Эйлин вписал перед «пылью» слово «серая».

Перо царапнуло бумагу. Пылинки на столе потемнели.

— Вот и всё? — спросил он.

Беловолосый не ответил.

Эйлин вдохнул. Ничего. Приблизил лицо к свече, затем к столу. Воск он видел, пыль тоже, но запаха не было. Он коснулся языком края страницы. Бумага. Слюна. Ничего. Утром кофе был горьким. Теперь от горечи осталось только слово.

Он попытался вдохнуть глубже и закашлялся.

— У меня отняли нюх?

— И вкус.

— За цвет пыли?

— Ты изменил то, что воспринимаешь. Цена затронула восприятие.

Эйлин хотел пошутить про местную арифметику, но не смог. Он смотрел на страницу и пытался вспомнить не слово «горький», а саму горечь.

— Это вернётся?

— Нет.

Эйлин опустил перо. Кончик оставил на бумаге пятно.

— Хорошо, — сказал он не сразу. — Следующую пробу я хочу провести на тебе.

— Ты не выбираешь, кто заплатит.

— Удобно. Ещё и это.

Имя

Эйлин перелистнул страницу. Нужен был пример, который не превратится в очередную лекцию.

Он написал одно слово: «имя».

— Не своё, — сказал беловолосый.

— Я в курсе, как меня зовут. Пока что.

Эйлин вспомнил соседа этажом ниже. Тот каждую субботу выставлял мусорный пакет у двери и ругался, если кто-то задевал его ногой. Они здоровались у лифта много лет. Сосед говорил громко, будто между ними постоянно гудела дрель.

Теперь Эйлин не мог вспомнить его имя.

Он прислонил пальцы ко лбу. Имя было совсем близко, на привычном месте, откуда его не получалось достать.

У двери стоял мужчина в растянутой майке. В одной руке

он держал мусорный пакет, в другой — связку ключей.

— Мы же знакомы, — сказал Эйлин.

— Были, — ответил мужчина.

Эйлин поднялся. Стул ударился о стену.

— Подожди. Я сейчас вспомню.

Мужчина исчез. Ключи звякнули о пол и растворились следом.

Эйлин подошёл к двери и открыл её. За порогом был пустой коридор. Он позвал соседа, но обращаться оказалось не по имени, а только «эй».

Слово вышло громким и жалким.

Он вернулся к столу.

— Ты обещал эквивалент.

— Имя было внесено в правку.

— Я написал слово, а не человека.

— Для текста разницы не оказалось.

Эйлин взял перо и уже наклонился над страницей, чтобы вписать соседу имя обратно. Рука остановилась. Вторую цену никто не назвал.

— Ну да, — произнёс он. — Конечно.

Он положил перо. От того, что не стал писать, легче не стало.

Цена выбирает опорное

Беловолосый смотрел на его руку.

— Ты выбираешь правку. Не то, чем расплатишься.

— А ты выбираешь?

— Нет.

— Кто тогда?

— Цена фиксируется прежде, чем ты понимаешь потерю.

Эйлин хотел возразить, но вспомнил, как сосед держал пакет. Обыкновенная подробность, которую нельзя было разучиться помнить. Он попытался восстановить голос мужчины. Получалось только «были».

Беловолосый перевернул полоску бумаги. На обороте проступила дата и чёрная печать. Эйлин не успел прочесть цифры: чернила расплылись.

— Ты специально показываешь мне это после того, как

всё случилось?

— Ты просил доказательство.

— Я просил знать цену заранее.

— Такого права договор не даёт.

Эйлин провёл ладонью по лицу. Хотелось снова оказаться на крыше, забрать стаканчик, уйти к лифту, найти соседа и спросить его имя, пока оно ещё существовало. Но путь назад теперь казался попыткой проснуться внутри сна.

— И что, если я вообще перестану писать?

— Останется то, что уже исправлено.

— Значит, хоть что-нибудь я могу не испортить.

Он сказал это с усмешкой, но посмотрел не на беловолового, а на пустую дверь. Ему было стыдно, что впервые за долгое время он радовался собственной беспомощности.

Потом взгляд упал на слово «цена» на полях страницы.

— Ладно. Один вопрос. Если договор настолько умный, почему его нельзя поправить?

Беловолосый молчал.

И Эйлин снова потянулся к перу.

По согласию сторон

Он приписал к слову «цена» три слова: «по согласию сторон».

— Вот, — сказал Эйлин. — Никакой революции. Просто уточнение.

Беловолосый сделал шаг к столу.

— Не надо.

Поздно. Чернила уже впитались.

Эйлин ждал, что комната дрогнет или полоска бумаги загорится. Ничего не случилось. Несколько секунд он даже улыбался.

— Смотри. Работает.

На бумажке, лежавшей под его локтем, появилась новая строка:

УТОЧНЕНИЕ ОТКЛОНЕНО.

— Тогда почему она не написала это сразу?

— Потому что ты уже заплатил за попытку.

Эйлин ощупал лицо, руки, карманы. Всё было на месте. Он попытался вдохнуть запах воска, вспомнил, что запаха больше нет, и вдруг захотел услышать мать.

Не вспомнить слова. Услышать, как она говорила их ему.

Он помнил: «Ну-ка, воротник поправь». Помнил прихожую, холодные пальцы у подбородка и то, как раздражался, когда она делала это при посторонних.

Но голос в воспоминании стал чужим. Фразу мог произнести кто угодно.

— Нет, — сказал Эйлин.

Он повторил материнские слова вслух, надеясь поймать её интонацию. Получился его собственный голос, низкий и неловкий.

— Нет. Подожди.

Беловолосый не подошёл.

Эйлин сильнее вдавил пальцы в край стола. Хотелось швырнуть в него блокнот. Хотелось обвинить мать: зачем она вообще говорила так, если теперь он не может это удержать? От этой мысли стало противно.

Он разжал руку. На дереве остались следы ногтей.

— Я хочу это вернуть.

— Сделанное не отменяется.

— Я слышал.

Эйлин не поднял глаз.

— Я просто хочу вернуть.
Утраченная интонация

Он сидел, пока свеча не стала ниже на палец. Беловолосый молчал. Один раз Эйлин открыл рот и закрыл, не произнеся ни слова.

В блокноте по-прежнему стояли «серая», «имя» и отклонённая приписка к цене. Эйлин отодвинул его, но не смог убрать далеко. Нужен был хотя бы видимый след того, что произошло.

— Я думал, — сказал он наконец, — если написать аккуратно, ты не сможешь отказать.

— Ты пытался заставить договор согласиться с тобой.

— И заодно убедить себя, что всё можно исправить.

Это было неприятно произносить. Эйлин провёл пальцем по ободку чернильницы. Та оставила на коже чёрный полукруг.

— Получилось отвратительно.

Он попытался отшутиться и не нашёл ни одной шутки, которая не звучала бы гадостью.

Потом взял перо и аккуратно положил поперёк закрытого блокнота.

— Дальше я не буду писать только потому, что мне страшно.

— Страх не перестанет взимать цену.

— Вот именно. Ему я ничего не подписывал.

Беловолосый направился к дальней стене. Там появилась узкая линия двери.

— Ты увидишь, что хранит Редакция.

Эйлин поднялся. Руки слегка дрожали. Он сунул их в карманы, заметил это и вытащил обратно.

— Там можно узнать, кто был соседом?

— Там учитывают исправления.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Эйлин подобрал блокнот. Перо оставил в пальцах, не пытаясь писать.

— Тогда веди.

Порог архива

Дверь открылась на тёмный коридор. За порогом было холоднее. Бумага шуршала где-то вдаль, хотя сквозняка не чувствовалось.

Беловолосый остановился перед входом.

— Ковах уже знает, что ты спорил с ценой.

Эйлин сжал блокнот.

— А кто такой Ковах?

— Тот, кто заметит, если ты попробуешь ещё раз.

— Очень утешил.

Он хотел спросить про мать. Вместо этого поправил воротник. Пальцы повторили привычное движение, а её голоса не было.

— Послушай, — сказал Эйлин. — Я всё-таки выиграю. Или хотя бы испорчу вам вечер.

Беловолосый посмотрел на него. Впервые за всё время он не ответил сразу.

Эйлин шагнул к порогу. С другой стороны тянуло сухим воздухом и старой бумагой. За стеной кто-то передвигал тяжёлый ящик. Потом послышался шелест множества страниц.

Он ещё мог развернуться. Не исправить сделанное, но хотя бы не заходить дальше.

— Идём, — сказал он.

За порогом начинался архив.

Вход в архив

Беловолосый остановился за порогом. Архив тянулся впереди рядами высоких шкафов; в дальнем конце тихо постукивало что-то металлическое.

Глава 3. Архивариус, которого не существовало

Эйлин шагнул внутрь и по привычке втянул воздух. Ничего. Ни пыли, ни воска. Он знал, как должно пахнуть в таком месте, и от этого отсутствие запаха раздражало ещё сильнее.

— Дальше один, — сказал беловолосый.

— А экскурсия с гидом не оплачена?

— Архив не принимает сопровождающих.

Эйлин посмотрел на свой блокнот. Перо он по-прежнему держал в руке. После комнаты с договором ему хотелось

убрать его подальше, но кармана подходящего размера не нашлось.

На ближайшем ящике проступила надпись:

ВАРИАЦИЯ 09 / СТАТУС: УДАЛЕНА.

Эйлин задержался. Девятый. Он помнил привычку постукивать пальцами по столу, а теперь смотрел на номер, за которым, возможно, уже не осталось даже привычки.

— Здесь их всех держат?

— Здесь учитывают оставшееся.

— Не одно и то же.

— Нет.

Беловолосый отошёл на шаг. Линия прохода за Эйлином сомкнулась, и вместо двери оказалась ровная стена.

— Постой.

Ответа не было.

Эйлин прижал ладонь к стене. Она была твёрдой. Он отступил и попробовал не оборачиваться второй раз.

Впереди между шкафами открылся узкий проход. Там горела настольная лампа.

— Ладно. Посмотрим, что вы тут называете оставшимся.

Дело Эйлина

В зале стоял один рабочий стол. На нём лежала папка, чистая настолько, будто её только что принесли из канцелярского магазина.

На обложке значилось: «ЭЙЛИН».

Он коснулся края. Холод ударил в пальцы, и Эйлин отдёргнул руку.

— Заботливый архив. Даже папки не дают трогать.

— Подпись уже стоит, — сказал кто-то за стеллажом.

К столу вышел Архивариус. Высокий, сухой, в тёмной рубашке, застёгнутой до горла. Светлые волосы лежали аккуратно, но лицо почему-то не удавалось запомнить: стоило моргнуть, и скулы выглядели иначе. Не другой человек. Тот же, для которого так и не выбрали окончательное лицо.

В руках он держал тяжёлый реестр.

— Все вариации зафиксированы. Ты одиннадцатая.

— Спасибо, я умею считать. Меня интересует, что вы сделали с остальными.

Архивариус раскрыл папку. Внутри лежали листы с датами, зачёркнутыми именами и пустыми местами посреди абзацев. Несколько строк были написаны почерком Эйлина.

Он узнал наклон букв и неприятно напрягся.

— Я это писал?

— Ты это исправлял.

Эйлин перевернул лист. На обороте тоже был его почерк. Он не помнил ни слова.

— А где сами люди?

Архивариус посмотрел на папку.

— Здесь то, что от них осталось.

Эйлин хотел снова пошутить. Закрыв папку, чтобы не видеть подписи, и передумал.

Человек без дела

Узкий промежуток между соседними ящиками был пуст. Пыль на полке лежала ровно, без следа папки.

— А твоё дело где? — спросил Эйлин.

— У меня нет дела.

— Неужели образцовый сотрудник?

— Меня не существует.

Эйлин поднял глаза.

— Ты стоишь передо мной.

— Здесь стоит должность. Архивариус — название функции.

— А если я спрошу, как тебя зовут?

— Имени нет.

Архивариус перевернул страницу реестра, будто вопрос об имени уже был закрыт.

— Необязательно всё рассказывать, — сказал Эйлин. —
Но хотя бы не называй себя пустым местом.

— Твоя оценка ничего не меняет.

— Я не оценивал.

Архивариус развернул реестр. На мгновение там появилась строка:

ЕДИНИЦА НЕ НАЙДЕНА.

Лист побелел.

Эйлин потянулся к пустому ящичку, но тот не открылся.

— Место есть. Значит, кто-то должен был тут лежать.

— Не каждое отсутствие принадлежит человеку.

— Ну да. Некоторые отсутствия ходят по архиву с реестром.

Удалённая свидетельница

Эйлин открыл папку рядом. Она казалась пустой, пока из неё не выскользнул лист и не лёг на стол.

За столом сидела женщина лет сорока. Волосы стянуты в тугой пучок, на безымянном пальце светлая полоска от кольца. Она держала стакан воды обеими руками. Пить не пыталась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.